

новок — и когда услышу концерт их — когда увижу гнезда горлиц на древнем вязе, осеняющем зеркальный пруд — тогда скажу: *вы имеете вкус; ваш сад прекрасен*, тогда я часто буду приходиться к вам, иногда с книгою, иногда с другом, иногда один с мыслями своими; сяду на берегу речки и забуду суету мира в мечтах своего воображения».¹⁹

В статье характерно все: и представление о функции природы — служить местом уединенного размышления поэта-мечтателя; и более искреннее, чем в «Деревне», разрешение вопроса об идеальном пейзаже: «изящность природы, доведенная искусством до высочайшей степени совершенства»; и продолжающееся отрицание классического придворного парка.

Еще более четко Карамзин высказывает свое отношение к природе в «Письмах русского путешественника». Он отдает должное красоте Версаля, но гораздо более сильное впечатление на него производит Трианон. «Нигде нет холодной симметрии; везде приятный беспорядок, милая простота и красоты сельские. Везде свободно играют воды, и цветущие берега их ждут, кажется, пастушки». Здесь путешественник находит «природу, самого себя, свое сердце и воображение». «Я не видал ничего великолепнее Версальского дворца с его парком и милее Трианона с его сельскими красотоми» (5, 81—82).

«Сельские красоты» и простота Трианона — вот истинный эстетический идеал писателя-сентименталиста, оборачивающийся в конечном счете обновленным вариантом «вырумяненного благоличия», о котором когда-то говорил Тредиаковский, или, более точно, той самой «естественной, но не будничной природы», подражать которой призывал «наставник вкуса» Карамзина — Батте.

И не случайно нарисованная «дикая» природа в «Деревне» похожа на «сельские красоты» Трианона. То, что Карамзин именуется «естественной природой», так же далеко от русской природы, как «поселянин, покоящийся на бальзамической траве», от крепостного, работающего на барщине, как «нежная Лизетта, готовящая завтрак своему Палемону», от реальной жницы, как бедная Лиза от русской крестьянки, как вся «не будничная природа» Батте от повседневной действительности. И потому закономерно признание, что искусство выше действительности: «Копия бывает иногда лучше оригинала» (1, 190).

И часто прелесть в подражанье
Милее, чем в природе нам:
Лесок, цветочек в описанье
Еще приятнее очам.

(1, 190).

Утверждая, что объектом искусства является «красота физического и нравственного мира», Карамзин отлично сознавал суще-

¹⁹ «Московские ведомости», 1795, № 48.